

В. Г. Андреева

УДК 821.161

**УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ В «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ»
К. Г. ПАУСТОВСКОГО: РЕЦЕПЦИЯ НАСЛЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН
за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051
<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация: В статье представляются и анализируются важнейшие моменты рецепции К. Г. Паустовским в «Повести о жизни» творческих находок Л. Н. Толстого, прежде всего, касающихся усадебного текста и различных образов и мотивов, с ним связанных. Отмечается близость автобиографических героев писателей, творческое освоение Паустовским «диалектики души» и реализация им эпических констант художественных миров Толстого. Показывается, что в книге «Повесть о жизни» автор не случайно упоминает о кончине Толстого, придавая ей особую значимость, связанную со сменой эпох.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, Л. Н. Толстой, рецепция, классика, усадебный текст, автобиографический герой, культурная память, этапы взросления, эпические константы.

«Повесть о жизни» (1946–1963) К. Г. Паустовского можно считать основной и главной книгой писателя, автобиографической и душевной. Как и любая история становления писателя, «Повесть о жизни» содержит важнейшие вехи, иллюстрирующие этапы формирования творческой личности героя, осознания наличия таланта и в то же время описания условий, этот талант возрастивших. «Повесть о жизни» создавалась Паустовским после Великой Отечественной войны, можно подумать, что к этому времени между писателем и русской классической литературой оказалась уже значительная временная полоса. Однако не стоит забывать, что первые произведения Паустовского были написаны еще в 1910-е гг., и писатель, ощущая нравственные и духовные сомнения современников, ориентировался на высокие образцы классики.

В данной статье мы постараемся наметить и обозначить важнейшие моменты рецепции Паустовским творческих находок Л. Н. Толстого,

прежде всего, касающихся усадебного текста и различных образов и мотивов, с ним связанных. Очень важно и интересно, что сам Паустовский и его автобиографический герой в «Повести о жизни» до определенного момента являются современниками Толстого. Уход и смерть писателя в художественном мире книги Паустовского воспринимаются не просто как драматические ситуации, но как *семейные и народные трагедии*. Об уходе Толстого главному герою сообщает старенькая хозяйка квартиры, пани Козловская: «Костик, – сказала она, – несчастье с графом Толстым!» [3, с. 101]. И слыша об этом несчастье, Костя считает, что мир не может уже остаться неизменным: «Я тотчас оделся, натянул шинель и вышел на улицу. Мне казалось, что всё в городе должно было сразу перемениться с той минуты, когда пришло ошеломляющее известие. Но всё было по-старому» [3, с. 102].

Применительно к «Повести о жизни» исследователи склонны говорить об особом методе подачи материала или типе повествования, иногда об особом виде прозы. Так, О. Ю. Маркина отмечает, что в 1950–1960-е гг. возник термин «лирическая проза», который обозначил «качество повествования в произведениях советских писателей: О. Берггольц, К. Паустовского, В. Солоухина, Ю. Казакова и некоторых других»: «Если в традиционном повествовании действительность отражается объективно, но в преломлении восприятия героя, то в лирической прозе именно мироощущение героя, его чувства являются объектом изображения» [2, с. 312]. Между тем, основой «лирической прозы» Паустовского необходимо считать и «диалектику души» Толстого, художественные находки писателя в первой автобиографической трилогии. «Детство», «Отрочество» и «Юность» Толстого и «Повесть о жизни» сближает не только автобиографический характер, но и специфика повествования, производимого одновременно с двух позиций: с точки зрения взрослого человека, вспоминающего, как бы заново переживающего события более ранних лет своей жизни, и с точки зрения растущего героя, живо и непосредственно проживающего происшествя, совершающиеся с ним и на его глазах. В плане осмысления усадебной тематики у Паустовского это важно потому, что детство у писателя неизменно связывается с усадебным прошлым. Как и Толстой, Паустовский показывают, что детские простодушные впечатления на самом деле не так уж примитивны и нередко очень точно отражают жизненные реалии. «Совсем как рахат-лукум», – говорит про стеклянную

розу в прихожей у учителя Чепурнова Костя. «Глупо, но похоже на правду», – пробормотал Чепурнов [3, с. 90].

Значительное место во многих произведениях Толстого и в книге Паустовского занимает мотив семейного оскудения, упадка: несмотря на то, что семьи, в которых растут герои, относительно благополучны, оба мальчика (Николенька Иртеньев у Толстого и Костя у Паустовского) теряют близких и параллельно переживают несколько серьезных жизненных кризисов.

Для Кости усадебная жизнь ассоциируется с ранним детством и самым большим счастьем, и в данном случае герой Толстого и герой Паустовского похожи: оба вспоминают дорогую сердцу обстановку имений, связанную с особым ходом жизни, родными людьми. Герой Толстого припоминает учителя и отдельные комнаты с мебелью, вид из окна: «...прямо под окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой – стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетеный частокол; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа» [4, с. 7]. Воспоминание о людях начинается у Толстого как бы с картинки: «Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другую – кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос» [4, с. 8]. По-настоящему веселым и счастливым временем Костя в «Повести о жизни» называет именно усадебную жизнь своего детства, когда он с родителями приезжал в Городище на лето из Киева: «Утром я просыпался от жаркого солнца, бившего в белые стены... Я вскакивал, подбегал босиком к окну и видел: с того берега по гребле, постукивая суковатыми посохами, медленно надвигались на усадьбу старики... В хате стариков встречала мама в летнем нарядном платье... За домом лежали два огромных глубоких пруда. Там всегда было сумрачно от старых ив и темной воды» [3, с. 21–22]. В портретных зарисовках людей, в повышенном внимании к личности, прозрении за внешними чертами душевной жизни, поиске в человеке светлых сторон Паустовский во многом выступает продолжателем дела Толстого.

Усадебный быт неизменно связывается со старинными вещами, в частности, сундуками. Для Иртеньева памятны сундуки Натальи Савишны. Утешая и развлекая Костю, только что похоронившего отца, тетя Дося,

хозяйка имения Городищи, открывает именно сундук с различными вещами.

В рассуждениях героев Толстого и Паустовского слышится не только сожаление по невозвратно ушедшему времени, в которое ощущалась особая целостность и полнота бытия, но и признание семейно-усадебной формы существования одной из лучших и продуктивных для жизни. В представлении родной земли и живого окружающего мира Паустовский во многом следует за Толстым: для него земля – это Родина, кормилица, постоянный объект народного труда и т. п. Рассуждая об эпических основах в произведениях Толстого, мы уже писали, что «рождение и смерть, ситуация войны и образ земли становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого – все эти четыре эпические константы являются не только смысловыми центрами, но и мерилami для толстовских героев» [1, с. 196]. У Паустовского мы видим схожую ситуацию: в линии взросления Кости и его человеческого становления решающее значение имеют именно указанные четыре константы. Костя переживает смерти родных и близких, любимой девушки Лёли, становится свидетелем гибели множества военных и мирных людей; он участвует в Первой мировой войне в качестве санитарa, видит революционные события – угрозу и крушение Империи; наконец, Костя даже принимает роды. В «Повести о жизни» есть рассказ солдата о Толстом и Колере. В этом рассказе нет ответов, но есть вопросы о жизни и смерти, о рае, о праведном труде.

В рамках усадебной темы и связанной с ней темы народной доли отдельного внимания заслуживает эпизод осознания Костей первой несправедливости, которая развеивает его представления о счастье на земле: на дачу приходит деревенский мальчик, продающий землянику и кратко рассказывающий о своей семье – смерти отца, надорванной матери. Указанный эпизод перекликается с рассказом позднего Толстого «Ягоды», включенным в «Круг чтения»: в нем мы видим барствующих господ, пребывающих на великолепной даче, проводящих время в постоянных разговорах и пытающихся организовать себе досуг, и крестьянских детей, собирающих ягоды и продающих их господам.

И Толстой, и Паустовский самые сложные времена готовы переживать со своим народом. Князь Дмитрий Нехлюдов в романе Толстого «Воскресение» пытается выйти из замкнутого круга господ, из высшего класса – к большому народному миру. Для героя Паустовского

такое обретение мысли о единении с простыми людьми становится основой выживания (и фактического – в условиях революции, и обретения внутреннего смысла бытия): «...Я думал о родстве одиноких людей, таких, как мадемуазель Мартен, Фицовский и я. Мне казалось, что мы должны сдружиться и оберегать друг друга, чтобы сообща преодолевать эту тугую жизнь» [3, с. 190].

Герои Толстого и Паустовского, идя по жизни, постигают ее сложность и простоту, учатся отличать настоящие проблемы от искусственно изобретенных другими людьми. Так, суровая реальность войны заставляет Пьера Безухова в «Войне и мире» Толстого и Костю в «Повести о жизни» Паустовского прийти к схожим формулам, выражающим суть жизни. Для Пьера такой формулой становится триада «простота, добро и правда», утверждаемая Платоном Каратаевым, похожее определение находит и герой Паустовского: «Жизнь входила в сознание как нечто суровое и требующее постоянной работы для того, чтобы очистить ее от грязи, сукровицы и обмана и увидеть *во всем ее великолепии и простоте*» (курсив мой. – В. А.) [3, с. 307].

В художественных мирах Толстого и Паустовского неизменно важен мотив путешествия, которое, как правило, начинается именно в усадьбе. И герои Толстого, и Костя у Паустовского нередко ощущают материальную ценность своих усадебных вещей, однако для них эта ценность является не стоимостью, а ощущением принадлежности вещи к роду.

Одна из важнейших категорий, сближающих автобиографические книги Толстого и Паустовского – это категория памяти, первостепенная при представлении усадебной жизни, ее форм, которые герой Паустовского признает уже безвозвратно ушедшими. В то же время и Толстой и Паустовский признают, что воспоминания, живые для людей, не являются пережитком прошлого, что самое дорогое и сокровенное, спрятанное глубоко в душе, когда-нибудь обретет лучшие формы в действительной жизни.

Литература

1. Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. т. 2. № 2. С. 192–227 <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>

2. Маркина О. Ю. Лирическое начало в автобиографических повествованиях Б. Зайцева и К. Паустовского о юности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 311–317.

3. Паустовский К. Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1982. 741 с.

4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1935. 379 с.

V.G. Andreeva

**MANOR TEXT IN K. G. PAUSTOVSKY'S "STORY OF THE LIFE":
RECEPTION OF L. N. TOLSTOY'S LEGACY**

This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Abstract: The article presents and analyzes the most important moments of K. G. Paustovsky's reception in "The Tale of Life" of L. N. Tolstoy's creative discoveries, primarily relating to the estate text and various images and motifs associated with it. The closeness of the writers' autobiographical heroes, Paustovsky's creative mastery of the "dialectics of the soul" and his realization of the epic constants of Tolstoy's artistic worlds are noted. It is shown that in the book "The Tale of Life" it is no coincidence that the author mentions the death of Tolstoy, giving it special significance associated with the change of eras.

Keywords: K. G. Paustovsky, L. N. Tolstoy, reception, classics, estate text, autobiographical hero, cultural memory, stages of growing up, epic constants.